

Северные полмира

*«Мы должны учиться замыкать в себе бездонность.
(Видаль ль ты сегодня пастуха бредущего?
В чем долг его?
День протекает мимо — входит и уходит
в него и из него, как будто бы под маску непроницаемую)»*

Рильке «Импровизация на тему Каприйской зимы»
перевод З. Миркиной.

«Post tenebraes lux»

Девиз Женевы

Веришь ли ты в то, что город особенно раскрывает себя на возвышенностях и у воды?

Начни прямо оттуда, где ты есть сейчас.

Если железнодорожной нележкой занесло на Московский вокзал, упорно игнорируй все предложения таксистов и иди себе по Суворовскому проспекту, так окажешься на Таврической улице у дома 5, где не раз я забрасывал вещи в дружественную квартиру в этом «замке» и можно было отправляться дальше в сад.

В саду легкий ветер с залива, пасмурный ренессанс.

Эпизод «Таврический сад»

Ты знаешь, что это письмо представляет собой не более чем разрозненные заметки, проблески памяти в определенной топографии. Места, отраженные событийной энергией, энергией дополняющего вымысла, спазмом строки. В твоих силах сплести их воедино, если они сами того захотят. Возможно будет помогать двойная работа письма и речи, потому что мне самому нужно будет озвучивать письмо.

Не является ли случайностью то, что одно событие всегда приходит на ум первым, когда думаешь об определенном месте? Может быть, в этом событии был схвачен дух места, или если говорить, отказываясь от захватнической риторики, дух места согласился потанцевать со своими посетителями? И все, что ему нужно это смутное присутствие любви в том, кто обратил внимание на то, где он находится? В тот вечер мне казалось, что мы вылетели в Таврический сад, как пробки из под шампанского, которое достаточно долго болталось в дороге. Любой широко раскинувшийся сад это напоминание о рае.

И. была со своей дочерью, был наш общий друг И. - и как будто ребенок выгуливал нас, мы обменивались ролями — ловили друг друга, пока дух места ловил нас.

Попробуй разные комбинации троп, блуждание. Эта чрезмерная радость детской игры сверкнула и отразилось в пруду, где мы как-то мимоходом кормили уток. Тогда у тебя возникла теория о том, что птицы поедая его чувствуют не вкус семян или хлеба, а ту

эмоцию, которой охвачен человек, занятый этим гипнотическим процессом. И утки чтобы уравновесить свое воодушевление водоплавающих вкушают грустное крошево от расходящихся любовников. Мыльный пузырь сумерек лопнул и полилась белая тьма, огибая зажженные фонари.

Эпизод «Дом или башня на Таврической»

Блуждание совершилось по кругу - вновь фасад 5 дома по Таврической улице.

Еще 20 домов и получится номер дома «Башни» Вячеслава Иванова (25) — этого эпицентра литературной жизни Серебряного Века. С некоторых пор меня будоражит идея снять фильм о встречах в этой «Башне», происходивших преимущественно ночью и достигавших апогея на рассвете. Сейчас там нет никакого музея, насколько я знаю, просто чья-то квартира, куда не попасть.

Представь ночь, когда людям нужно быть вместе, чтобы творить миф, и в разное время они заходят в этот дом, узнают себя во взгляде тех, кто уже пришел, преодолевая волнение несут свежеисписанные листы.

Камера скользит по лицам поэтов, многоголосие нарастает. Если бы это было написано чернилами, они бы конечно были серебряными, какими иногда становятся твои веки, когда ты смотришь поверх окон и стен и видишь море, где бы оно ни было. Это почти скороговорка для детей: Иванов-Гумилев-Волошин-Ахматова-Гиппиус-Кузмин-Брюсов-Бальмонт-Блок и Белый, может быть даже Черный. И все они здесь в табачном дыму, винных парах и столовом серебре. Taurus — знак зодиака соответствующий маю, дорогой подруге И. рожденной в мае, так что одно открытое окно будет равняться одному порыву ветра, доносящему привет цветущего дерева. От Серебряного века остались горные хребты книг, ущелья из картин и фотографий, совсем немного предметов материального мира, своей конфигурацией иногда способным напомнить о человеке, ими пользовавшимся.

Взволнованные поэты Серебряного века после неудачного спиритического сеанса с вызовом духов Гете и Данте, решают заглянуть в будущее зеркало имени Советского союза и спустя десятилетия демонической тряски — блокадного ада — они попадают в прозрачный ход призрачной оттепели. Бродский-Кривулин-Драгомощенко-Стратановский-Шварц-Охупкин будут еще позже. Каждый может выбрать себе собеседника и выйти с ним на майский балкон — чтобы проделать фокус с соединением дымков от двух самокруток — заволакивающий красное столетие, как туман финский залив. Соблазн повсеместных цитат заставляет меня сбиться — здесь хочется вставить сохранившиеся голоса поэтов начала 20 века — пусть они цитируют тех, кто жил уже во второй его половине.

Рассвет в красках русского авангарда и неподвижная жреческая фигура Вячеслава Иванова, переводящего античных поэтов Алкея и Сафо. Петербургское прадониисийство, сомнамбулизм символов, вышедших из хаоса еще до нашей эры. Концепт прекрасной эпохи и гудение электричества, модема, bluetooth колонки. Только музыка может придать этим описаниям вертикальные ответвления. Появляется воспоминание о февральской ночи в квартире на Таврической 5, когда поочередно мы читали Уитмена, гитарным орнаментом шел Уильям Тайлер, и уже случился завтрашний день спасенной жизни летающей девушки,

продолжение пути в глухом эхе многоэтажных спиралей, куда ввинчены наши шаги, смешанные с шагами мертвых. И такой же нелепый горячий смех, которым иногда законопачивают старые оконные рамы. Иначе дует.

Не все башни вавилонские.

Эпизод «Библиотека на Черной речке с выпавшим листком из Царскосельского альбома»

А еще в Таврическом саду есть Оранжерея, в этом письме она становится порталом. Ты ведь знаешь, что никакой маршрут не может быть линейным, никакое письмо не может быть линейным — даже так называемое линейное письмо А или Б крито-микенской цивилизации — совсем нелинейно, часть надписей на нем сделана на глиняных сосудах и представляет собой закрученные спирали из иероглифов, так и эта речь, которую ты сейчас слышишь. Где-то есть утверждение о том, что запахи избежали грехопадения, и с помощью них мы можем вообразить золотой век, таким образом избавив зрительное воображение от тенденции все брать на себя — звук и запах, которые могли бы вызвать у тебя неопишемую эмоцию, одну из тех, что возможна только во сне, но ее хвост, как хвост некой кометы может коснуться тебя и в лабиринте бодрствования.

В оранжерее ты слышишь благоухание цветов, все они близко, вместо просторного северного сада-парка под открытым небом, теперь сжатое кольцо флоры разных меридианов и широт, с некоторым акцентом на тропики, в этот момент я вспоминаю о своем музыкальном проекте под названием mpala garoo, запах рождает звук.

Май 2010 на этот раз — я приезжаю с зеленой гитарой, маленьким ноутбуком и сумкой примочек играть в библиотеке на Черной Речке. Сейчас когда я пытаюсь восстановить адрес, узнаю его у друзей — его никто не помнит, минула декада. Декады почти как циклады - так наверное и проходит век под их стрекот, напоминающий стрекот киноплёнки.

Концерт проходит удачно, с помощью гитары, сэмплов и видеоряда возникают нездешние тропики. Мы стоим с другими музыкантами — Bedroom Bear, Wind in Willows и Love Cult перед входом в эту эфемерную библиотеку, чей адрес никто не может сейчас вспомнить уже вечером и обмениваемся психоделическими контактами-масками из названий своих музыкальных формаций, чувствуя себя африканскими магами.

На следующий день мы едем в южном направлении, вместо Африки - Царское Село, возникает мысль снять клип среди всех этих изваяний, версальствующих на грани небытия, Петербург как Мариенбад — двойной оммаж Алену Рене, раннему времен «Мариенбада» и позднему времен «Пить, любить и петь». Впрочем, сам клип скорее в духе Мекаса, чем Рене — *as I was moving ahead occasionally I saw brief glimpses of beauty*.

Это второй раз, когда я вижу такой строгий геометричный парк, выехав из Петербурга. Эта геометричность, в которой пространство исправно носит камзол мастерплана, укрощенная природа, выверенный фон для прогулок и разного рода умолчаний, жестов при виде той или иной статуи, того или иного участка парка. Мы хоть как-то пытаемся утереть нос этой безжалостной геометрии своими перебежками и дуракавалянием.

Эпизод «Петродворец, Невская губа»

Позже спросив у мамы, где мы останавливались в первый приезд в Петербург (это было в конце 90х) я получаю ответ: «кажется на Черной речке». Для меня возникает рифма Черного озера в Зеленограде, месте где я рос и этой самой Черной речки. Что куда впадает и что откуда выпадает? Нейронные покалывания. Вечное сияние чистого Пушкина. На этот раз, от Черной речки поездка совершается вдоль невской губы. Но опять тот же строгий геометричный парк и близость большой воды.

Мне 12 или 13 лет. Золотой Самсон и струи фонтана, бесконечная колода строительных лесов - как если бы кто-то устал от временного сияния чистой геометрии и захотел неэвклидова пространства, нагромождения математических множеств, которые с таким успехом плодит многоэтажная архитектура. Это то самое впечатление, сравнимое с уже хрестоматийным «Я никогда здесь не был и ничего не знаю об этих местах». Я теряюсь и соглашаюсь с широтами и меридианами этого просторного дня, которые словно бьют струей фонтана в тех местах, где пересекаются.

Пространственно-аудиальное переживание, когда и скульптуры и архитектура служат возгонке солнечных лучей, их преломлению на фоне шипящей воды и человеческих голосов, не устающих обсуждать повседневность. И даже первая горечь пропавших визуальным отпечатков - у нас с мамой был фотоаппарат, где как позже выяснилось то ли не было пленки, то ли мы ее неправильно установили. *Pas de punctum*.

И вот появляется точка вербальной бифуркации: я вспоминаю словосочетание «Северная Пальмира», пальма мира («на севере диком стоит одиноко»). Еще более сюрреалистичным оно мне стало казаться, когда я понял, что камень здесь был исходным строительным материалом, совершенно затмив дерево (впрочем так почти всегда — древнейший город земли Ур — также был сплошь каменным). Потом до меня доходит: ну конечно, корабли, вот на что уходило дерево. Камень для всего неподвижного, основа архитектурной грамматики, архитектурного синтаксиса и дерево - свободный радикал, что-то глубоко эмоциональное, вдруг получавшее в посмертном состоянии невероятную подвижность благодаря воде. Я представил невскую губу, облепленную верфями по всей ширине, медленный сплав срубленных сосен по заливу и постепенное рождение кораблей. Видимо этот образ запал мне глубоко, поскольку даже наш общий дроун проект с С. мы назвали *Kon Tiki Gemini* — в честь того самого судна Кон Тики и все этой истории с плаванием по тихому океану, произошедшей на другой стороне земли.

А теперь назад к пустотно-заполненным в духе Пиранези пространствам Петербургского центра.

Эпизод «Набережная Грибоедова, 8»

После иронического трепа в вагоне-ресторане мы усиленно моем полы в квартире на Таврической перед приездом постояльцев из Пуэрто-Рико, ремонт еще не закончен, но нужно

успеть навести марафет. Ночью сон на неприспособленной постели. Вышли в дождь - под аркой слушаем «Riders of the night».

И пусть следующей точкой пространстве, которую можно найти по номеру дома, будет дом 8. Раннее лето 2018 года — чемпионат мира по футболу.

Бахтинский карнавал на набережной — я первый раз вижу такое количество иностранцев здесь, в центре они присутствуют постоянно, но сейчас они не просто присутствуют, они задают новый карнавальным порядком городской жизни. Привычные фигуры местных уличных музыкантов теперь на втором плане, на первом — разноцветные болельщики из любой точки земли. Вместо хорошо знакомых протяжных песен учащенное латиноамериканское сердцебиение. Из зрительных образов особенно впечатался в память аргентинский флаг с его задумчивым средневековым солнцем между двумя голубыми полосками. Он висел в доме напротив по ту сторону набережной несколько дней, и до и после поражения сборной Аргентины. Между тем солнце с флага пыталось поддержать солнце с неба, дни могли похвастаться ясностью, заливая искусственным белым светом ветвящиеся карнавальные массы.

Это было второе настолько солнечное посещение Петербурга после мая 2017го, когда мы презентовали в Галерее Экспериментального звука книгу стихов безвременно ушедшего друга Семена.

Неизбежные лакуны, а может только они.

И опять - огромная комната на третьем этаже. Вид из окна — на набережной множество футбольных фанатов, но это множество не математическое, а органическое, склонное к объятиям и эмоциональной экспансии. На минуту я представил безлюдный Петербург весны 2020го. И мексиканская спонтанная группа, которая начала играть там тогда, два года назад — все еще играет, уже не чтобы заработать на билеты обратно, а чтобы убедить тишину в собственном существовании.

Набережная с домами и краем Казанского собора за углом как растаявший ледник летом, стаявший в блеск, этот глубокий, гипнотизирующий блеск Невы, на котором яркие пятна праздника не успевают достаточно промелькнуть — она больше чем кто-либо хранит равнодушие и может поэтому больше на нее обращаешь внимание в пасмурные дни. Редкий простор центра — как простор только что выдохнувшего легкого, как только карнавальные толпы рассеиваются. Белая ночь. Я ничего не успел сказать тебе, и в этот раз мы не увиделись. Только коллекция тех кристаллов хранила отражения других времен — воспетых временными отклонениями и задумавшимися стрелками часов. Герб ничто, фотографии на которые никто не смотрит. Разведенные мосты глубокой ночью. И одно накрапывающее дождем и идущее снегом письмо, с которым никому из нас не совладать.

Или совладать тонкой изящной кошке, которую не хотели отдавать хозяевам?

Я вспомнил как мы пели «In the aeroplane over the sea» группы Neutral Milk Hotel годом раньше в мрачноватой мастерской.

Серия разговоров на кухне, фильм Мани Каула «Дхрупад» и его статья Rambling Figure, в которой он сравниваем рождение музыкальной формы раги с возникновением фильма.

Пусть тактильность преследует нас, пусть в каждом объятии при встрече мы вдруг вспоминаем о том, какого это — быть, соприкасаясь, присутствовать, ощущаясь, внезапная телесность тела оставаясь и неповторимость капель пота на лице, избавлены от экранной смерти. Common ground. Post-zero ground. Словом псалом.

Мнется пространство памяти, собирающее поток встреч в прерывающемся ландшафте письма. А что происходит на киноэкране, который за двадцатый век сохранил столько лиц? Изобретателям фаюмского портрета такое и не снилось. Век фаюмских экранов между тем никуда не девается, только набирает новые обороты. Не оборачивайся.

Мы идем по Караванной улице, свернув с Невского. Ты скоро?

Эпизод «Караванная улица, у входа в Кинотеатр «Родина»

Я вижу как мой друг музыкант С. спускается по ступеням, пока не равняется со статуей маленького кентавра. Его улыбка и спокойствие заразительны. В его обязанности входит запуск фильмов с пленки в том числе — почти ремесленная работа не из этого времени. Времена года меняются, а я представляю как он выходит покурить все на ту же лестницу. Сиюминутный дождь. Дождь, стирающий границы между движениями письма и речи. И это слово на санскрите «Анахата» - без удара, идея о звуке, который не образуется столкновением двух поверхностей, субстанций, тел. И что здесь моя речь в этом исчезающем письме, как не-память об этом звуке, который был рожден нашим соприкосновением на фоне этого другого звучания, сделавшим само это соприкосновение возможным? С. помогает мне с вещами, которые ты не разрешила оставлять у себя больше. На каком фильме я побывал там внутри? Годом позже мой друг оператор открывает в зале бутылку шампанского во вступлении к реставрированному «Сталкеру», он уже достаточно пьян. Но бархатные кулисы бордового цвета невозмутимы, они быстро гасят этот звук, и в зрительном зале повисает живая тишина, совершенно беспомощная перед приливами образов и слов, рожденными по ту сторону экрана. Из всех сооружений именно кинотеатры представлялись мне наиболее подходящими для неразличимости городов в XX веке. Выходя из «Родины», однажды я был уверен, что выхожу из «Иллюзиона» на Котельнической набережной. Зеркальная пьеса для двух монументальных кинотеатров, которая завершается бессонной ночью в поезде на узкой второй полке, когда вместо мягкой шороха биполярного сна, стучит угрюмое железо дороги и ты не всегда можешь вспомнить куда именно ты едешь сейчас — из Петербурга в Москву или же наоборот.

*«Бывало, раздвинется запад
В маневрах ненастий и шпал»
(Пастернак)*

Эпизод «Дацан» рядом с Елагиным островом, Старая деревня.

Позолоченный будда сквозь гулкий туннель на острове. Пленочная фотография с засветом-фаерболлом. Удивительность некоторых подношений в таких храмах. Цветы, деньги, благовония. Материальная изнанка, имеющая свойство осыпаться подобно золе с тлеющей палочки. Будет ли аналог слова Шибболет на Санскрите или Китайском? На иврите Шиболлет значит колос или течение. Языки могут быть невероятно далеки друг от друга, но всех объединяет эта «шибболетность» живой речи. И так же архитектура, которая говорит на другом языке. В прохладном кольце восточно-европейской флоры все та же «драгоценность в лотосе» и умиротворение, подобное тому, которое находила на меня в спортивных залах Фурманного переулка в Москве, где проходили занятия у-шу и в спортивном зале села Турчасова в Архангельской области, где я снимал как крестят местных жителей.

Есть слои памяти, где нет никаких проспектов с имперской архитектурой подвергшейся сновидческой эрозии, нет. Только как некие вехи - кромлехи, менгиры и дольмены посреди ландшафтного тумана. Подбрось монетку в туннеле неподалеку от Дацана, ты услышишь необычное эхо.

Эпизод «Дом 33 на улице Марата»

Снова центр, одни согласные в этом слове. Начну с балкона. Мы вышли туда с А. покурить самокрутки — и на нас хлынул прохладный воздух. Дрожь сумерек растворяла серые столетние дома — и это ощущение парения над улицей примешивалось к эйфории разговора. Разговор состоял не только из слов, но и из перемещений и взглядов, тембра голоса, пауз — все того, что может помочь возникнуть отрешенной улыбке почти сновидящего человека. Эта сновидящая улыбка была нитью, на которую нанизывались мгновения перемещения, взгляда, голоса, паузы. В самый первый раз, когда я был в этой квартире на улице Марата, я запомнил качели висящие в дверном проеме — это был день качелей. Сначала Л. качалась на вечеринке в милейшем клубе. И теперь спокойный ребенок на качелях в дверном проеме. Присутствие ребенка, его лепетание смягчало тембр голосов — все говорили чуть тише и каждому хотелось качнуть его, пока мы возможно представлялись ему этими сверхподвижными сгустками материи и энергии. Мы ушли поздно, но как все стало близко — сообщество, город, по которому перемещаешься с влюбленной птицей под кожей.

Кармаран, аист? Ласточка, ворон?

Галка, зимородок? Все ближе и ближе. Опять эта подвижность, оживание, контраст почти фантастический, характерный для Петербурга. Всадник и его медь. Черта оседлости, проведенная несколькими веками и призрак желания загроможденный речью, как старой мебелью, которую выносят и сжигают в канун нового года. Интимный разговор с В. и С. Мы выносили нашу речь на улицу и отпускали ее, но она всегда возвращалась к нам. В полусне вижу Филиппа Гарреля, который говорит на французском «Да нет же, я не Пушкин». Je ne suis pas Pouchkine. В тени соответствий, в плену безответности — эта речь не получает ответа. Мы слишком сильно напоминаем кого-то другим, может быть. За шторой лежит американский филолог в депрессии.

У земли по крайней мере есть пределы, вся земля картографирована, но все равно ускользает. Что уж говорить о языке. Его беспредельной текучести.

И вновь огромная комната, откуда мы едем теперь в обсерваторию.

Эпизод «Пулковская обсерватория»

Петербург уже заканчивался и после изучения землянок в небольшом лесу выходящем на шоссе, минуя несколько состарившихся дворов и пожелтевших домов, где время остановилось максимум в 90х, при том остановились резко и многие вещи как будто хранят шок этой внезапной остановки — мы оказались на территории исполинских объектов-сооружений, имевших отношение к астрофизике.

«Если вы любите приключения, приходите на лекцию об инопланетянах 14 июля» — обратилась к нам милая женщина средних лет, выходя из административного здания.

Я был единственным, кто приехал на эту лекцию и увы, ответ свелся к тому что доподлинно нам ничего о них не известно. Семинар был редкостной спячкой. Пришлось представить, что семинар был организован инопланетянами, чтобы их оставили наконец в покое.

Достаточно углубившись в поля, мы задумали фотосессию — у Н. был полароид. Наши фигуры казались крошечными на фоне внушительных размеров солнечной батареи и генератора, от нее работавшего, по периметру торчали громадные тарелки-ресиверы с антеннами. Мы останавливались, застывали в спонтанных позах. поднимали руки. Все эти объекты производили впечатление мамонтов и динозавров, хоть и были созданы в 50-70х годах XX века. Лишенные человеческого участия, они теперь стали эстетико-техническим свидетельством молодой науки и одновременно монументальными руинами советского пафоса и эры первых космических полетов.

Ты знаешь, что непосредственное впечатление схватывает быстрее всего ухо — так вот тишина этих научных руин как бы вырезала тишину полей и пролесков. которые их окружали. Их тишина была почти мертвой, препарированной, но все же хонтологичной, как будто они все еще принимали некие сигналы из космоса - вкупе с отдаленным гулом шоссе и органическим стрекотанием местности это создавало ощутимый, объемный саундскейп. Мы оказались в той самой транзитной зоне, о которой так много говорят современные урбанисты и которой так увлечены некоторые режиссеры вроде Кристиана Петцольда (скорее раннего периода «Внутренней безопасности»). Здесь все еще происходит профессиональная жизнь — проводят экскурсии и ведутся наблюдения, но со стороны большого бизнеса уже висит тень совсем не научного освоения этих территорий — возможности их застройки. Километры панельных квадратов, занимающих подобно саранче, предоставленные себе пустотные территории, которым важно побыть как бы во сне после всего этого научно-фантастического тур-де-форса двадцатого века.

Все же нам удалось пройти по этой местности в ее полугрезящем состоянии, и присутствие аналоговой астрофизики уводило от мрачных мыслей - старая обсерватория все еще приводится в движение механическим способом, при этом день был довольно пасмурный - звезд мы не увидели, только отражения в зрачках друг друга. Прямо в музее в зале находится Пуп земли — некая точка отсчета, которая производит впечатление взятой абсолютно произвольно.

В XIX веке астрономы могли дежурить в ночной обсерватории только вдвоем — если один засыпал — другой будил его — они стояли на открытой площадке — если бы не было того другого — первый мог никогда больше не проснуться. И так попеременно они будили друг друга, называя по имени.

Эпизод «Пляж недалеко от Сестрорецка»

Гр. согласился нас подвезти на своей синей машине. По дороге В. требовала объяснений — я помнил о движении сна, сна который попадал в эту мысль — на самом деле начать снимать, все эти начинания и потом все опять брошено. Пути, заводящие в настоящий момент и свернутая парусина планов, связанная тугим жгутом бодрствования. Речь о социальном происхождении героини — о ее прекарности, о нашей и всеобщей прекарности. Тем не менее у нее должна была быть машина, чтобы уехать из города. Только для этого. Перемещаться по Петербургу на своей машине — это слишком, но чтобы выехать из него — уже начать что-то. действие ветерка, когда открываешь боковое окно. Так и начинался кадр, стекло плавно опускается и вместо отраженных веток - лицо, португальский взгляд. Позже, когда я побывал в Лиссабоне — я увидел как ночь сливается с океаном. И это был тот самый взгляд — взгляд из внутренней ночи, волна взгляда несущая тело по земле. Взгляд и тревога, где непроницаемость южного транса подернута северной готовностью к усилию, к жизни как некому рывку, обреченному на растворение, к преображению горизонтали инерции в вертикаль порыва.

Прости мне то, что я впутываю тебя в этот калейдоскоп мест в Петербурге и около его окрестностей, может быть смысл должен упасть как ночь на это кружение. А мы никак не приблизимся к центру, только оказываемся еще дальше от него. Импульсы-склейки. Хорошо если у тебя с собой будет калейдоскоп, покрутив его ты поймешь как серия импульсов-склеек может менять паттерн действительности.

Эпизод «Павловск»

Внезапное счастье застревает парашютистом в кроне деревьев. Там его и оставим. Не помогать же ему выбираться оттуда в конце концов?

После тропы через сосновый бор явление фрагментов ландшафта. Высвеченно-окультуренный простор, но уже без четко очерченной геометрии. Нужно было сесть в эту электричку и отправиться туда, мы так и сделали. В некоторые места что-то приводит независимо от их общего коэффициента значимости. Может быть большая часть мест, описанных здесь это поверхность, а ее описание попытка открыть там глубину. Я никогда не

терял этой тяги. Глаза распахиваются и пространство распахивается. Я бы хотел удержать центр, но сам временный разлет не позволяет это сделать. Укради центр и вози его с собой. Мы приучены к городам, как котята к лотку. Ничто не заставит покинуть их, мы обречены скитаться мысленно по маршрутам, где уже все было, все случилось. Время уже не остановить, никаким гипнозом. Ожидание, забвение. Но внутри времени это обилие времен, что-то спускается сюда нисходящим потоком. Это заставляет вспомнить о тайном знании авиаторов-планеристов, когда они смотрят на облака — они знают, что под ним находится конвекционный поток. До того как облако стало облаком, оно было этим восходящим потоком, не знающим белизны. И так же вдруг возникают потоки иных времен. Речь и письмо его спонтанные проводники, знаки бодрствования. Вергилий от *Vigilia* — бдение. Опять этот натиск согласных, как и в случае с центром, но уже разрешение в гласных. Будят почти всегда словами, именем — вспомни тех астрономов. Вспомни, как ты реагируешь, когда твое имя произносит тот или та, с кем тебя связывает хоть немного любви.

Мы оказались здесь осенью вместе с группой японских туристов с разноцветными зонтиками — но они всегда были в отдалении, к ним как будто невозможно было приблизиться. Только эти цветные пятна сквозь проемы беседки, которую мы обходили с тобой в надежде услышать Целановскую «Корону» в себе. Мое тело впитывало этот рельеф, вязкую прохладу осени, навевающую все тот же размывающий сон. Ты внимательна к языку, он для тебя самостоятельная стихия, праздник, который оттеняет реальность, дает ей простор для разбега, тебе, мне, ей. О, воображаемые чернила на кончике неутомимого языка.

«Достаточно представить себе, что подлинные общие места — это слова озаренные молнией и что на строгости законов зиждется абсолютный мир выражения, за пределами которого случайность — всего лишь сон»

Бланио

(я почти уверен, что перевод тут неточен, но не могу найти оригинал)

Эпизод «Витебский вокзал»

Отсюда можно было бы начать. Почему поезда больше не свистят? Или все же свистят? Это был момент угасания встречи, ни разу еще я не приезжал на этот вокзал. Он стоял как шахматная доска, где осталось только несколько одиноких фигур и ДеКириковская архитектура, упреждавшая эфемерные расслоения раннего утра, тем что включало их в свою оформленность. Морозная рябь осаждает лицо. Идешь и все непривычно, даже охристые фасады за промельками прохожих. И шаг задан сбивчивостью чувства. До дома на улице Правды совсем подать рукой - но городское пространство всегда зависимо и иллюзорно — архитектура — высокий вымысел из твердых пород, слишком сильно подверженный воздействию погодных условий. Если ты, как я, будешь идти по этому маршруту зимой в пасмурный день — все будет сливаться в холодную плотность прохожих и зданий. Но будем надеяться, что эти несколько птиц над головой, не успевающие за балтийским ветром — посланники пусть и поздней, но все же весны.

Сквозь арки и двор в большую коммунальную квартиру, где ты еще спишь и впускаешь к себе неохотно, из последнего сомнения, но уже наполовину отсутствующая, потому что решение принято.

Гулкий коридор, скрипящий паркет и эти задвижки на дверях, высветленные прикосновениями. Музыкальные инструменты, растворенные в сумеречном зимнем утреннем свете — молчание этих музыкальных инструментов позволяет сосредоточиться на их форме, которая сама по себе музыкальна и как будто явлена независимо от человеческих усилий и знаний. Вообрази город, по которому ты бы шла всегда будучи внутри (вместо того ты делала это сейчас, когда ты всегда снаружи, когда открытое пространство не дается тебе, все время играет формами, условиями и обстоятельствами). Так поднимается и опадает пьяная пирамида камня-Петра увенчанная адмиралтейской иглой, Пушкинской мачтой, царапающей медь весенних небес. Лед трогается, снег уходит.

Остановись и закрой глаза, пусть тебя подхватит идея того, как оживает память и пространство дает ожить в себе вещам. Я слишком часто держал в руке телефон, гасивший музыку моей свободной руки — люди забыли о телепатии и утопии, о том что способно уловить неопиcуемый ключ к будущему, lift your skinny fists like antennas to heaven — ты почувствуешь там тени святых, которые они отпускают гулять, чтобы они могли слышать хриплые крики отчаяния и самые тихие просьбы.

Прочь с улицы Правды, истинно истинно.
Юг ждет. Что-то зреет на пальме мира.

Тебе в современность, а еще Гаспаре Стампа в Венецию возрождения, Борхесу, ровеснику двадцатого века, в Женеву и конечно ненареченному еще кому-то из невидимых городов будущего.

До востребования

Год 2021 от Р.Х.